

Научная статья
УДК 303.442
doi: 10.17223/26188422/12/2

Качественное интервью в исследовании томской медиасистемы

Валентина Евгеньевна Ершова

Томский государственный университет, Томск, Россия, ervalen@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям применения полуструктурированного интервью в медиаисследовании. На материале проекта по изучению истории развития томской журналистики и медиасистемы рассматривается проблема использования элементов биографического и экспертного интервью с целью описания профессиональной картины мира представителей томского медиасообщества. Определяются трудности, возникающие при сочетании этих типов интервьюирования, и способы их преодоления.

Ключевые слова: качественное интервью, биографическое интервью, экспертное интервью, медиасистема, медиаисследование, медиасообщество, профессиональная картина мира

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00511.

Благодарности. Автор выражает благодарность коллегам, поделившимся опытом проведения качественного интервью, а также специалистам томского медиасообщества, которые приняли участие в исследовательском проекте.

Для цитирования: Ершова В. Е. Качественное интервью в исследовании томской медиасистемы // Вопросы журналистики. 2022. № 12. С. 46–62. doi: 10.17223/26188422/12/2

Original article
doi: 10.17223/26188422/12/2

The qualitative interview in the research on the Tomsk media system

Valentina E. Ershova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ervalen@yandex.ru

Abstract. The article explores the peculiarities of using semi-structured interviews in media research. On the material of the project to study the history of Tomsk's

journalism and media system, the problem of using elements of biographical and expert interviews to describe the Tomsk media community members' professional worldview is considered. The difficulties that arise when combining these types of interviewing and ways to overcome them are revealed. Seventeen conducted interviews showed that the use of elements of a biographical interview allows one to see the respondent's professional world through narratives related to their professional biography. However, if the respondent is carried away by such narratives, there is a danger that the conversation will be reduced to stories and incidents from life. The use of elements of an expert interview is accompanied by certain difficulties associated with confidentiality, with the adequacy of a multi-level assessment, with the definition of a "role" assessment, that is, an assessment from a particular professional / official position. Interviewers' professional background associated with the informants' subject area, as well as personal relationships between interviewers and interviewees, can affect (both positively and negatively) the course of the conversation and the data interpretation. The difficulties described in the article are overcome due to the systematic construction of the research program, the formation of a certain research focus in interviewers. In general, while maintaining a balance between narratives related to the professional daily life of respondents and expert assessment, the interview results will allow describing the professional worldview of representatives of the Tomsk media community and making short-term forecasts for the development of the local media system.

Keywords: qualitative interview, biographical interviewing, expert interviewing, media system, media research, media community, professionals' worldview

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00511).

For citation: Ershova, V. E. (2022) The qualitative interview in the research on the Tomsk media system. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 12. pp. 46–62. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/12/2

Введение

Медиаисследования – область с размытыми границами и широким предметным спектром изучения. Как полагает В. П. Коломиец, медиаисследования представляют собой «исследовательские традиции, направленные на изучение коммуникационной среды и влияние технологических посредников на общество, культуру и человека» [1. С. 188]. В этой связи попытка полного обзора исследовательских проектов, реализованных в данной области, представляет существенную проблему. Широкий спектр исследуемых вопросов определяет и широту методологической палитры, и, соответственно, значительный методический инструментарий. Исследователи медиа традиционно

привлекают методы социологии и смежных дисциплин, в том числе метод интервью, например, для решения проблем, связанных с изучением идентичности журналистов и их профессиональной картины мира [2–4]. Описывается потенциал качественного интервью с помощью онлайн-инструментов [5–10]. И хоть процедуры и технологии применения качественного интервью в медиаисследованиях практически не обсуждаются, имеющийся опыт может быть адаптирован при разработке программ медиаисследований.

В настоящей работе мы рассмотрим применение метода интервью в аспекте решения задач по изучению томских медиа в период 1990–2020-х гг. [11]. Цель этого научного проекта – изучить трансформацию системы томских традиционных СМИ в региональную медиасистему. Мы разделяем понятия системы традиционных СМИ и медиасистемы в том смысле, что «медиасистема представляет собой нечто большее, чем традиционные СМИ, – это, прежде всего, развитие на основе информационно-коммуникативных технологий горизонтальных связей между людьми, которые, возможно, прочнее скрепляют общество, чем вертикальные» [12. С. 16]. Определяя обширное понятие медиасистемы, мы пойдем вслед за Е. Л. Варгановой, которая характеризует это термин как комплекс, систему медиаинститутов и медиапрактик, которые, взаимодействуя друг с другом, формируют друг друга, в контексте исторического развития современных структур медиа на национальном уровне [13. С. 8]. Полагаем, что можно говорить о медиасистемах как национальных, так и региональных. Последние, в свою очередь, и формируют медиасистему национального уровня. Считаем, что в целом томская медиасистема проходила те же пути становления и развития, что и медиасистемы других российских регионов. Таким образом, описанные процедуры качественного интервью могут быть применимы в аналогичных исследованиях региональных медиасистем и медиасообществ.

Качественное интервью имеет свои недостатки. В частности, речь идет о субъективизме информантов, которые могут неправильно воспроизводить даты, события, крайне субъективно интерпретировать те или иные факты. Поэтому этот метод исследования предполагает взаимодействие с иными методами. В нашем случае интервью – часть общей методологии, базирующейся на подходе с позиции археологии медиа, который позволяет через призму исторического становления медиа (в том числе на основе изучения «технологического мусора»)

прогнозировать их развитие в будущем [14–16]. Интервью – это один из способов, позволяющих и самим информантам, и исследователям отразить прошлое томской журналистики и медиасистемы, выявить и проанализировать существующую ситуацию и актуальные проблемы, спрогнозировать тенденции развития региональных медиа в ближайшем будущем.

Главная цель проведения качественного интервью – описание профессиональной картины мира представителей томской медиасферы и способов их профессиональной самоидентификации. Методология исследовательского проекта включает в себя также дискурс-анализ, контент-анализ, типологический анализ томских медиа в историческом аспекте. Таким образом, результаты интервью сопоставляются с результатами анализа медиатекстов и официальных документов.

В своем исследовании мы совместили два типа интервью, которые в полевой практике сочетать достаточно сложно: биографическое нарративное интервью и экспертное интервью. Такой подход обусловлен выбором объекта: речь об интервьюировании специалистов томского медиасообщества, чей профессиональный путь мы рассматриваем на фоне их биографий в целом, – по этой причине мы не могли использовать лишь технологию экспертного интервьюирования. В то же время нас интересует их экспертная оценка томской журналистики и томской медиасистемы в разрезе прошлого, настоящего и ближайшего будущего – в этой связи использование лишь биографического интервью не соответствовало бы поставленным задачам. Проблеме синтеза этих типов интервьюирования в беседах с представителями томского медиасообщества и посвящена настоящая статья.

Биографическое интервью vs экспертное интервью в медиаисследовании

В медиаисследованиях технологии качественного интервью могут применяться для изучения трех типов общностей: аудиторий медиа, ньюсмейкеров и специалистов медиасферы. В первом случае исследователи могут изучать то, как общество, социальная группа или отдельный индивид воспринимают те или иные фрагменты медиареальности, как потребляют медиа, каким медиаэффектам и в какой мере они подвержены и др. В целом задача применения интервью при исследовании аудиторий медиа – дать представление о характере взаи-

моотношений между аудиторией и медиаконтентом, организациями и технологиями, с которыми она взаимодействует [17]. В частности, такого рода интервью могут быть актуальны в прикладных исследованиях, в том числе в маркетинге [18. С. 76–78]. Объекты второго и третьего типов исследуются с другой целью. Такое интервью можно охарактеризовать как «элитное интервьюирование» (“elite interviewing”), где понятие элиты рассматривается довольно широко: и как люди, имеющие власть в обществе, и как люди, обладающие уникальным знанием, – такие информанты обладают непосредственной властью над производством медиаконтента, это «эксклюзивные информанты» (“exclusive informants”), готовые дать экспертную оценку [19].

Почему мы обращаемся также к биографическому нарративному интервью? Эта методика позволяет описать фрагмент профессиональной картины мира в границах биографии, жизненного пути респондента. Мы не пионеры в использовании биографического интервью с представителями профессиональных сообществ. Описывая примеры биографического интервью с социологами, Н. Я. Мазлумянова пишет, что биографические материалы позволяют увидеть мир научных идей, институций, профессионального сообщества глазами участников событий [20. С. 88], а субъективность информации, получаемой при этом, компенсируется в сочетании с документальной информацией [20. С. 107–108]. Таким образом, элементы биографического интервью позволят нам увидеть мир местного профессионального медиасообщества глазами участников событий. В то же время элементы экспертного интервью позволят получить экспертную оценку процессов и явлений, связанных с томской медиасистемой, в том числе и в прогностическом аспекте.

В настоящей статье мы сосредоточиваем внимание на одном объекте: на профессионалах медиасферы. В самом общем смысле цель интервьюирования такого рода «эксклюзивных информантов» выражается в изучении их жизненного (профессионального) мира и системы ценностей. С. Квале подчеркивает, что качественное исследовательское интервью – это пространство конструирования знания, взаимный обмен взглядами между двумя людьми, беседующими на интересующую обоим тему [18. С. 25], благодаря чему такое взаимодействие становится субъект-субъектным. Если рассматривать интервью не как извлечение уже существующих сведений, что свойственно позитивистской традиции, а как конструирование новых знаний, как это

понимается в постмодернистской практике и в феноменологическом описании [18], то тогда проблема применения этого метода значительно расширяется. В таком случае мы используем интервью не просто с целью заполнения лакун и получения недостающих сведений, которые нельзя извлечь, например, из иных документов, а с целью описания профессионального мира человека. Более того, понимание процесса конструирования знания в ходе исследовательской беседы как повествовательных практик [21, 22] открывает новые возможности интервью.

В результате применения метода мы получаем сконструированную интервьюером и респондентом дискурсивную реальность. Через раскрытие жизненного мира специалистов медиасферы появляется возможность описания целостной профессиональной картины мира сообщества и дискурса в целом, который складывается в процессе непосредственных повседневных профессиональных практик специалистов. В то же время, с нашей точки зрения, дискурс конструируется и в процессе исследовательского интервью, но как бы с другой стороны: в процессе «отзеркаливания» и рефлексии тех самых повседневных практик, вписанных в биографию информанта, на фоне общего исторического процесса.

Эмпирическая база, сценарий гибридного интервью

Эмпирической базой послужили интервью с медиаспециалистами, проведенные в рамках исследовательского проекта, посвященного изучению томской журналистики и медиасистемы в период 1990–2020 гг. К моменту подготовки публикации проведено 17 интервью.

В качестве типологической модели мы используем полуструктурированное интервью. Его особенность в том, что есть общий сценарий и примерный перечень вопросов, в том числе обозначены ключевые вопросы, которые нельзя упускать в ходе интервью. Полуструктурированное интервью предполагает, что этот перечень может быть нежестким, и респондент может остановиться на той теме, которая кажется ему интересной и актуальной, но которая тем не менее укладывается в общий тематический каркас. Таким образом, интервьюеры, ориентируясь на респондента, ход его мыслей и ситуацию общения в целом, могут опускать какие-то вопросы, но в то же время интервьюеры вправе задавать дополнительные вопросы, чтобы ре-

спондент подробно раскрыл конкретную проблему. Главное условие – ориентирование на программную цель интервью и на три блока сценария. Перечислим эти блоки и дадим им описание.

Первый блок – личная информация и вводные данные: фамилия и имя, год рождения, образование и др. Мы полагаем, что осмысление респондентом своей профессиональной деятельности и деятельности коллег невозможно вне рефлексии своего жизненного мира в целом. В этой связи на этом этапе мы применяем элементы биографического интервью. Второй блок – информация, непосредственно связанная с профессиональной деятельностью респондента. Вопросы этого блока переплетаются с биографическими темами, и респондент рассказывает о своем профессиональном пути как об одном из аспектов своей биографии. Третий блок – осмысление информантами характерных черт томской журналистики прошлого и настоящего, перспектив ее развития и трансформации в медиасистему. Мы исходим из того, что наши респонденты – специалисты с уникальным профессиональным опытом, поэтому мы применяем также элементы экспертного интервью, чтобы получить экспертное мнение о томской журналистике прошлого и прогнозы по развитию томской медиасистемы.

Результаты: время и место

Время. Исследование томской медиасистемы и медиасообщества находится в стадии проведения и предполагает несколько серий интервью. Интервью первой серии (наша эмпирическая база) проводились с мая по сентябрь 2022 г. Беседы проходили с записью аудио. Средняя продолжительность интервью составила час-полтора, хотя некоторые интервью длились более двух часов. Спустя некоторое время после интервью респонденты нередко дополняли свой рассказ, например, посредством мессенджеров или повторных разговоров с интервьюерами по телефону. Так как мы заявляем довольно широкий спектр вопросов, то планируем разделить интервью с некоторыми респондентами на две сессии, чтобы уложиться в комфортный для беседы интервал час-полтора, а также для того, чтобы респондент мог сосредоточиться на конкретной теме, например на работе в конкретном издательстве.

Место. Мы использовали смешанный формат: онлайн-беседы и разговоры лицом к лицу. За несколько дней до проведения интервью мы объясняли респондентам цели проведения такого рода бесед, до-

говаривались о формате работы (о месте и условиях проведения, об онлайн- или офлайн-взаимодействии), по их просьбе отправляли примерные вопросы. В зависимости от пожеланий респондентов интервью проводились у них дома, на их рабочем месте, в корпусе факультета журналистики Томского госуниверситета, в кафе. Одна беседа прошла в рамках экскурсии в организацию, где работает информант. Достоинством проведения интервью на рабочем месте (иногда и в домашних условиях) являлось то, что информанты использовали окружающее их пространство для демонстрации рабочей повседневности. Например, показывали фотографии на стенах и комментировали изображенные на них фрагменты знаменательных событий, демонстрировали тексты, изображения на экране компьютера. Даже если респондент физически не обращался к какому-то артефакту, он дополнял свою мысль примером из своей недавней профессиональной практики. Так, респондент мог привести в пример новость, которую писал или редактировал перед началом интервью. Например:

Респондент: А вот / например / Славка вчера писал [Примеч. автора: респондент редактировала этот текст] / улицу Черных отремонтируют в двадцать третьем году / а в этом году не отремонтируют / хотя должны по нацпроекту отремонтировать в этом / не взяли бы // [Примеч. автора: не взяли бы новость на главную страницу сайта редакторы федерального информагентства; речь о моделировании ситуации, которая могла произойти в прошлом, но на примере реального случая из настоящего].

Какими-то артефактами из своей профессиональной повседневности респонденты делились и после бесед. Например, респондентка прислала свое резюме для уточнения дат и дипломную работу. Кроме того, она поделилась журналистскими материалами, записанными на кассеты формата VHS (эти видео мы впоследствии оцифровали). Факт того, что респонденты обращаются к конкретным артефактам и к окружающей их профессиональной среде (и в материальном плане – к физическим носителям, и в коммуникативном), вписывается в концепцию археологии медиа.

Результаты: трудности, возникшие в ходе интервью, и способы их преодоления

Мы не будем останавливаться на частных проблемах проведения интервью, которые свойственны этому методу в целом, например, на

проблемах интервью по видеосвязи, отвлекающих респондентов факторах во время интервью лицом к лицу и т.д. Нам важно обозначить проблемы, связанные именно с частной методологией и нашим подходом к интервью, который, тем не менее, может использоваться в медиаисследованиях сходной проблематики. Как уже отмечалось, основной недостаток качественных интервью – субъективность как респондентов, так и самих интервьюеров. С учетом этой особенности обозначим общие проблемы метода и частные проблемы представленного подхода.

Интерпретации: общий контекст. Существует явление «испорченного интервью», под которым подразумевается ситуация, когда собеседники не могут договориться, что именно они совместно производят в процессе коммуникации: из-за причин культурного или поведенческого характера тема может трактоваться интервьюером не так, как интервьюируемым, что может быть связано и с контекстом интервью [7. С. 106–107]. Эта общая проблема усложняется в границах используемой нами методологии. В нашем случае респондентов больше, нежели предполагает программа качественного интервью, в частности, экспертного. Так, «в современных исследованиях с помощью интервью количество респондентов обычно находится в пределах 15 ± 10 » [18. С. 106]. С. Квале предполагает, что «это количество объясняется удачным сочетанием времени и ресурсов, которые имеются в распоряжении, и действием закона минимизации повторов» [18. С. 106]. В нашем случае речь идет о 70–80 респондентах. Довольно большое количество респондентов и интервьюеров раздвигает границы процедур проведения и интерпретации интервью. Особенно эта проблема усложняется, когда в интервью участвует один респондент и двое интервьюеров, т.е. в тандемном интервью (в нашей практике такой случай единичный, но, возможно, мы повторим эту практику). Так возникает третий слой субъективности (респондент – исследователь 1 – исследователь 2), из-за чего могут появляться сдвиги в толковании понятий, процессов, явлений.

В представленном случае эти трудности преодолевались за счет установления методических границ. В частности, за счет написания сценария и примерного перечня вопросов, а также комментирования каждого блока со стороны старших исследователей проекта. Общие рамки устанавливались на методических семинарах, на которых обсуждались процедуры и техники проведения интервью. Полностью избавиться от субъек-

тивности, безусловно, невозможно. В этой связи важно понимать, что данные, полученные в результате интервьюирования, – не конкретные факты и количественные показатели, а, как уже отмечалось, дискурсивная реальность, сконструированная в момент беседы.

Интерпретации: предметная область и роли. Описанная здесь проблема – частная по отношению к предыдущему случаю. Считаем важным рассмотреть ее отдельно, так как эта тема непосредственно связана с понятием профессиональной картины мира, которую мы описываем на основе данных интервью. Интервьюеры-исследователи – сотрудники и студенты факультета журналистики, многие из которых имеют профессиональный опыт в журналистике и медиа. С одной стороны, этот опыт дает возможность интервьюеру говорить на одном языке с респондентом, что обеспечивается общими фоновыми знаниями. С другой стороны, интервьюер может прийти на интервью с определенными установками и без «преднамеренной наивности и отсутствия априорных убеждений», которые предполагают, по мысли С. Квале, демонстрацию открытости новому и неожиданному вместо опоры на готовые категории и схемы интерпретации [18. С. 38, 41]. Кроме того, из-за нежесткого набора вопросов проблема субъективности может усложниться. Например, в случаях, когда в ходе беседы интервьюер останавливается на какой-то частной теме, исходя из своих научных интересов и профессионального опыта. Такой подход может иметь и позитивные стороны, однако нужно учитывать, что этот фактор может повлиять на непосредственную ситуацию беседы и дальнейшую интерпретацию данных.

Еще один фактор, влияющий на беседу, – личные взаимоотношения интервьюеров с респондентами и их общий профессиональный бэкграунд. Отрицательным следствием может стать погружение информанта в нарративы «воспоминания о былом», избегание экспертной оценки заявленных до начала интервью проблем. Однако у этого фактора есть и позитивные стороны: респонденту проще раскрыться перед интервьюером, интервьюер может не уточнять все детали событий, участником которых он был вместе с респондентом. В ходе интервью некоторые информанты указывали на то, как личные отношения с интервьюером повлияли на тот или иной эпизод их профессиональной жизни. Например:

Респондент: А через некоторое время / опять же / по годам я не помню / сколько времени это все продолжалось в режиме стенгазеты / но через некоторое время мы познакомились с тобой [Примеч. автора: с

интервьюером, который проводил беседу] // Я не помню первого момента // Я помню огромное облегчение / потому что пришел человек [Примеч. автора: речь об интервьюере] / который что-то понимает в деле / за которое я взялась совершенно / ну вот просто взялась и все //

Исследователь, проводившая это интервью, следующим образом описывала свои впечатления: *«[Я почувствовала] смущение, приятное ощущение от признания и непонимание, как я буду передавать это в тексте. Сложно задавать уточняющие вопросы (например, а что изменилось; а чем я помогла), потому что история мне знакома. Как рассказывать эту историю? Говорить о себе в третьем лице? Все это происходило в голове, пока я слушала историю дальше. И уточняющих вопросов не задавала. Скорее даже помогла, потому что я-то год своего прихода помню».*

Перечисленные сложности преодолевались таким же образом, как и предыдущие. Главная установка, которая давалась интервьюерам, – беспредпосылочность. Кроме того, перед интервью интервьюеры объясняли респондентам цели беседы и обозначали ее границы.

Другая сложность была связана с тем, в какой роли или с какой позиции рассказывал информант о какой-то проблеме в момент проведения интервью. Например, респондент мог рассказывать о какой-либо ситуации с позиции журналиста, редактора, медиаменеджера, медиаисследователя (в своей профессиональной деятельности респондент мог совмещать эти роли либо одновременно, либо он занимал ту или иную позицию в различные периоды своей профессиональной биографии); и он не всегда понимал, с какой позиции нужно давать оценку. По этой причине некоторые фрагменты респонденты дополняли уже после проведения интервью. В этой связи мы приняли решение проводить интервью с некоторыми респондентами в несколько сессий.

Синтез биографического и экспертного интервью. В полевой практике элементы биографического и экспертного интервью могут противоречить друг другу. Однако при соблюдении основных установок и границ интервью и при ориентации на собеседника такое смешение элементов позволяет, с одной стороны, получить профессиональную оценку актуальных явлений, с другой – раскрыть жизненный мир респондентов и через него – их профессиональный мир.

Основная проблема сочетания этих подходов в том, что иногда респондентам было сложно переключиться с дискурса повседневности,

пусть и профессиональной, на дискурс экспертный. Случалось, что респондент углублялся в свой нарратив и с трудом оценивал с позиции профессионала то или иное явление, о котором расспрашивал интервьюер. В таком случае интервьюеры напрямую просили респондента занять позицию эксперта. Были случаи, когда в ходе разговора респонденты самостоятельно отслеживали эту проблему и переводили разговор в русло экспертного комментирования. Например:

Респондент: У меня есть ощущение / что я не дорассказала тебе [Примеч. автора: интервьюеру] что-то важное [...] // И у меня прям ушло в лирику несколько вещей / то есть я понимаю / что я отвечала скорее эмоционально [...] //

Перечислим основные способы решения проблемы. Во-первых, мы исключили вопросы (по типу «*расскажите интересные случаи из жизни редакции*»), нацеленные на то, чтобы респонденты углублялись в нарративы, так как во всех случаях информанты, приводя те или иные примеры, рассказывали истории. Во-вторых, если респондент самостоятельно не мог занять позицию эксперта, интервьюеры напрямую просили его дать экспертную оценку, переключали его с одного блока тем на другой. Позже интервьюеры могли вернуться к изначальной теме, но уже с другой стороны: задавая вопросы респонденту как эксперту, а не как обывателю (и формулируя их особым образом, например: «*У вас большой опыт в этой сфере; что вы думаете по этому поводу?*», «*вы долгое время руководили такой-то редакцией; с какими проблемами тогда сталкивались медиаменеджеры?*» и др.).

Аксиологичность. Другая проблема связана с многоуровневостью экспертного оценивания. Например, во время бесед интервьюеры делали отсылки к высказываниям коллег респондента из предыдущих интервью (в большинстве случаев при соблюдении анонимности источника цитирования), намекая или открыто прося респондента прокомментировать мысль цитируемого человека. Кроме того, в пример приводились и уже известные для широкой публики мнения, оценки ньюсмейкеров или представителей медиасообщества. Респондентам предлагалось также прокомментировать и эти идеи. Наслаивание одних оценок на другие, с одной стороны, дает возможность найти общие дискурсивные маркеры, наметить возможности для краткосрочных прогнозов. С другой стороны, это может привести к еще большей субъективности и, возможно, предвзятости. В этом случае важно, чтобы интервьюер смог занять нейтральную позицию и по возможно-

сти сохранить анонимность источника цитаты. Большую роль играет также адекватность воспроизведения той или иной оценки, цитаты самим исследователем-интервьюером. При всей сложности такого рода экспертного комментирования у нас появляется перспектива собрать данные о ценностях, которые во многом формируют профессиональную идентичность представителей томского медиасообщества.

Конфиденциальность. Вопросы конфиденциальности – проблема общего характера. Мы не получали от информантов письменные согласия на публикацию данных, но устно проговаривали (и фиксировали на диктофон) возможность цитирования респондентов с указанием их фамилий и имен при условии согласования соответствующего фрагмента статьи / монографии или иного текста до момента публикации и размещения в открытом доступе. С одной стороны, экспертное интервью не предполагает анонимности, и это мы объясняли респондентам до начала бесед. Эксперт не может быть анонимным – иначе мы не сможем гарантировать достоверность и авторитетность полученных оценок. С другой стороны, многие респонденты просили оставлять часть своих высказываний анонимными либо вообще не упоминать определенные фрагменты беседы. Свою просьбу они мотивировали тем, что не хотели задевать профессиональные и личные качества своих коллег, чьи имена они называли, не хотели открыто комментировать те или иные события политической жизни страны в прошлом и настоящем. По этой причине между интервьюерами и информантами появилась договоренность о предварительном согласовании текстов. Соответственно, мы не размещали аудиозаписи в открытом доступе.

Выводы

Биографическое интервью и экспертное интервью во многом противоречат друг другу, но в то же время их синтез открывает новые возможности в изучении профессиональных медиасообществ. Достоинство применения качественного интервью заключается в том, что этот метод позволяет не только получить экспертные оценки и данные о конкретных событиях, персонах, медиа конкретного региона, но и описать профессиональную картину мира сообщества во всей ее противоречивости и сложности. Особым потенциалом обладают беседы, совмещающие в себе элементы биографического и экспертного интервью. Перечислим особенности такой комбинации, которые мы

выявили в ходе работы над научным проектом, который посвящен истории развития томской журналистики и медиасистемы:

1. Применение элементов биографического интервью позволяет увидеть профессиональный мир респондента через нарративы, связанные с его профессиональной биографией. Однако если респондент увлекается нарративами о профессиональной повседневности, появляется опасность его «провала» исключительно в рассказывание историй и случаев из жизни.

2. Использование элементов экспертного интервью сопровождается определенными трудностями, связанными с особым соблюдением конфиденциальности, с адекватностью многоуровневого оценивания, с определением «ролевой» оценки, т.е. оценки с той или иной профессиональной / должностной позиции.

3. Профессиональный бэкграунд интервьюеров, связанный с предметной областью информантов, и личные взаимоотношения между интервьюерами и интервьюируемыми могут отразиться (как позитивно, так и негативно) на ходе беседы и процессе интерпретации данных.

Описанные в работе сложности преодолеваются за счет системного построения исследовательской программы, формирования у интервьюеров определенных исследовательских установок. В целом при соблюдении баланса между нарративами, связанными с профессиональной повседневностью респондентов, и экспертным оцениванием результаты интервью позволяют описать профессиональную картину мира представителей томского медиасообщества и составить краткосрочные прогнозы по развитию местной медиасистемы.

Список источников

1. Коломиец В. П. Медиасоциология: теория и практика. Аналитический центр Vi. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014. 328 с.
2. Каманина В. Е. Профессиональная идентификация современных журналистов: теоретические основы и реальные практики // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 81–91.
3. Симкачева М. В., Шакиров А. И. Профессиональное самоопределение журналистов эпохи медиаконвергенции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2018. № 4. С. 917–924.
4. Каминская Т. Л. Региональная идентичность журналиста и культура региона // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 178–183.
5. Дмитриева О. А. Скайп-интервью в качественных исследованиях. Обзор // Мониторинг. 2018. № 1 (143). С. 107–116.

6. Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44–56.
7. Колозариди П. В. Видеоинтервью с помощью онлайн-приложений: методический опыт // Социология: 4М. 2014. № 38. С. 96–127.
8. Колозариди П. В. Проблема способа проведения качественных интервью: скайп, онлайн, лицом к лицу // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : Изд-во МИК, 2016. С. 417–430.
9. Hanna P. (2012) Using Internet technologies (such as Skype) as a research medium: a research note // Qualitative Research. 12 (2): 239–242. doi: doi.org/10.1177/1468794111426607
10. Lo Iacono V., Symonds P., Brown D.H K. (2016) Skype as a Tool for Qualitative Research Interviews // Sociological Research Online. 21 (2). doi: doi.org/10.5153/sro.3952
11. Жилиякова Н. В., Мишанкина Н. А., Еришова В. Е. Трансформации региональной медиасистемы с 1990-х до 2020-х годов (на примере Томска и Томской области) // Коммуникация в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, 20–21 мая 2022 г. Ч. 1. Воронеж, 2022. С. 117–119.
12. Дугин Е. Я. Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникационных медиасистем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 1. С. 3–23.
13. Вартанова Е. Л. О теоретической актуальности понятия «медиасистема» // Меди@льманах. 2018. № 4 (87). С. 8–12.
14. Степанов М. А. Элементы археологии медиа // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 88–94.
15. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. 439 с.
16. Huhtamo E., Parikka J. (eds). (2011) Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications. USA : Berkeley : University of California Press. 368 p.
17. Napoli P., Voorhees S. (2017) Audience Studies. In book: Communication. doi: 10.1093/obo/9780199756841-0135
18. Квале С. Исследовательское интервью. М : Смысл, 2003. 301 с.
19. Bruun H. (2016) The Qualitative Interview in Media Production Studies. In: Advancing Media Production Research. Global Transformations in Media and Communication Research / Paterson, C., Lee, D., Saha, A., Zoellner, A. (eds). Palgrave Macmillan, London. doi: 10.1057/9781137541949_9
20. Мазлумянова Н. Я. Биографические интервью с российскими социологами: методико-методологические аспекты // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 88–109.
21. Фуко М. Археология знания / пер. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

References

1. Kolomiets, V.P. (2014) *Mediasotsiologiya: teoriya i praktika* [Media sociology: theory and practice]. Moscow: ООО “NIPKTs Voskhod-A”.
2. Kamanina, V.E. (2019) Professional Identification of Modern Journalists: Theoretical Bases and Real Practices. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 81–91. (In Russian).
3. Simkacheva, M.V. & Shakirov, A.I. (2018) Professional Self-Definition of Journalists in the Epoch of Media Convergence. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. 4. pp. 917–924. (In Russian).
4. Kaminskaya, T.L. (2021) Regional Identity of the Journalist and Regional Culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (118). pp. 178–183. (In Russian).
5. Dmitrieva, O.A. (2018) Skype interview in qualitative research: An overview of reflections. *Monitoring*. 1 (143). pp. 107–116. (In Russian).
6. Veselkova, N.V., Vandyshev, M.N. & Pryamikova, E.V. (2017) On the Main Developments in the Methodology of Interviewing. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 44–56. (In Russian).
7. Kolozaridi, P.V. (2014) Video Interview by Means of Online Applications: A Methodological Experience. *Sotsiologiya: 4M*. 38. pp. 96–127. (In Russian).
8. Kolozaridi, P.V. (2016) Problema sposoba provedeniya kachestvennykh interv'yuu: skayp, onlayn, litsom k litsu [The problem of the method of conducting qualitative interviews: Skype, online, face to face]. In: Shashkin, A.V., Devyatko, I.F. & Davydov, S.G. (eds) *Onlayn-issledovaniya v Rossii: tendentsii i perspektivy* [Online research in Russia: trends and prospects]. Moscow: Izd-vo MIK. pp. 417–430.
9. Hanna, P. (2012) Using Internet technologies (such as Skype) as a research medium: a research note. *Qualitative Research*. 12 (2). pp. 239–242. doi: 10.1177/1468794111426607
10. Lo Iacono, V., Symonds, P. & Brown, D.H.K. (2016) Skype as a Tool for Qualitative Research Interviews. *Sociological Research Online*. 21 (2). doi: 10.5153/sro.3952
11. Zhilyakova, N.V., Mishankina, N.A. & Ershova, V.E. (2022) [Transformations of the regional media system from the 1990s to the 2020s (on the example of Tomsk and Tomsk Oblast)]. *Kommunikatsiya v sovremennom mire* [Communication in the modern world]. Proceedings of the International Conference. 20–21 May 2022. Part 1. Voronezh. pp. 117–119. (In Russian).
12. Dugin, E.Ya. (2017) Middle Range Theories in the Research of Information and Communication Media Systems. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 1. pp. 3–23. (In Russian).

13. Vartanova, E.L. (2018) O teoreticheskoy aktual'nosti ponyatiya "mediasistema" [On the theoretical relevance of the concept "media system"]. *Medi@l'manakh*. 4 (87). pp. 8–12.
14. Stepanov, M.A. (2014) The Elements of Media Archeology. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1 (14). pp. 88–94. (In Russian).
15. Zielinski, Z. (2019) *Deep Time of the Media. Toward an Archaeology of Hearing and Seeing by Technical Means*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
16. Huhtamo, E. & Parikka, J. (eds) (2011) *Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications*. Berkeley, USA: University of California Press.
17. Napoli, P. & Voorhees, S. (2017) Audience Studies. In: *Communication*. doi: 10.1093/obo/9780199756841-0135
18. Kvale, S. (2003) *An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Moscow: Smysl. (In Russian).
19. Bruun, H. (2016) The Qualitative Interview in Media Production Studies. In: Paterson, C., Lee, D., Saha, A. & Zoellner, A. (eds) *Advancing Media Production Research. Global Transformations in Media and Communication Research*. London: Palgrave Macmillan. doi: 10.1057/9781137541949_9
20. Mazlumyanova, N.Ya. (2007) Biograficheskie interv'y u s rossiyskimi sotsiologami: metodiko-metodologicheskie aspekty [Biographical interviews with Russian sociologists: methodological aspects]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 88–109.
21. Foucault, M. (2004) *The Archeology of knowledge*. St. Petersburg: ITs "Gumanitarnaya Akademiya"; Universitetskaya kniga. (In Russian).
22. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian).

Информация об авторе:

Ершова В. Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ervalen@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V. E. Ershova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ervalen@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 13.12.2022.

The article was submitted 22.08.2022;
approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 13.12.2022.